

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КАК ПРОПУСК В АФРИКУ:
РАБОТА ВЫПУСКНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГПИИЯ
В КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ЗОНАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
(1960–1980)

В Законе Республики Беларусь «О ветеранах» обозначено 13 иностранных государств, на территории которых наши соотечественники принимали участие в боевых действиях во второй половине XX века. Успешная коммуникация с подсоветной стороной и реализация военных и политических задач оказывалась невозможной без знания языка конкретной страны-союзника. Соответственно, для этого требовалось большое количество переводчиков. Их подготовка, помимо знаменитого «института военных переводчиков» – Военного института иностранных языков (сейчас это Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации), осуществлялась и в гражданских учреждениях высшего образования, одним из которых стал открывшийся в 1948 г. Минский государственный педагогический институт иностранных языков.

В статье мы обозначим основные ключевые моменты становления в институте так называемого военно-языкового направления, используя в качестве основных источников информации протоколы партийных собраний первичной организации КПБ МГПИИЯ 1948–1987 гг. (фонд 1154 Национального архива Республики Беларусь), а также воспоминания тех выпускников института, которым довелось выезжать в качестве переводчиков в воюющие страны и принимать непосредственное участие в боевых действиях. К сожалению, сегодня не все из них официально имеют этот статус.

Немецкий язык вынесен нами в заглавие статье также не случайно. Когда новый институт открылся в составе трех факультетов (английского, немецкого и французского языков) и принял в свои стены первых студентов – в 1949 г. туда поступило 150 человек – то хоть большинство из них и было зачислено на факультет английского языка (75 человек), а меньшинство – на факультет немецкого (30), однако именно немецкий язык был для начинающих лингвистов единственным знакомым. Во-первых, именно его тогда массово преподавали в школах, а во-вторых, многие студенты учили его не по своей воле: среди них отмечено большое количество побывавших в плену или насильно вывезенных в Германию [1, л. 8]. В последующем в учреждении высшего образования продолжалась практика, когда абитуриенты, особенно из сельской местности, сдавали при поступлении немецкий язык, но в последующем с ноля изучали другие – в том числе и те, которые становились билетом в воюющую «одну из развивающихся стран» [2, л. 87; 3, л. 70]. Будущий участник войны в Анголе, выпускник факультета испанского языка С. П. Демидчик при поступлении в МГПИИЯ сдавал именно немецкий язык, а испанский выбрал позже [4, с. 172].

Испанский язык – сначала в лице только одного преподавателя [5, л. 58], позже – в виде отдельной кафедры, позже в формате отделения факультета французского языка – появился в 1952 г. (в документах периодически мелькает формулировка «факультет французского и испанского языков»). Именно специализация на испанском языке оказалась для многих студентов «пропуском» в воюющие страны Африки.

Еще один примечательный момент – это появление в учреждении высшего образования второй языковой специальности. Протоколы партийных собраний сохранили для исследователей достаточно интересные дискуссии на эту тему, датированные 1959 годом: стоит или не стоит вводить в качестве второй специальности второй иностранный язык или оставить русский или белорусский (под предлогом того, что лучше владеть одной специальностью хорошо, нежели двумя плохо) [6, л. 1–2]. Однако именно студенты факультета немецкого языка настояли в каком-то смысле на введении 2-й языковой специальности. Впервые это требование они озвучили на партийном собрании в 1958 г., когда студентка 3 курса Морозова заявила: 95 % студентов ее группы хотели бы в качестве дополнительной специальности изучать английский язык, а такой возможности им не предоставляют, выделяют всего несколько мест и заставляют тянуть жребий [7, л. 130]. Инициатива была удовлетворена.

Военное назначение учреждения высшего образования было обозначено с самого начала. Идея подготовки «специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком, воспитать студента, переводчика или другого специалиста» [1, л. 8], прозвучала уже на первом организационном партийном собрании института – 8 сентября 1948 года. Несмотря на подчеркивание именно педагогической направленности, уже в мае 1949 г. прозвучали требования увеличить в новых наборах числа мужчин именно «в целях обороны» [8, л. 41]. А спустя 10 лет явно обозначились и конкретные географические направления работы выпускников: оказание технической и экономической помощи «странам, которые вышли и выйдут из-под ига капитализма» [7, л. 129–130]. Осенью 1952 г. планировалось организовать 3 стрелковых кружка для студентов [9, л. 72]; позднее постоянно обсуждались проблемы военной подготовки студентов. И тогда же прозвучало предложение организовать на каждом факультете кружки военного перевода: по одному – на факультетах английского и французского языков, а также два – на факультете немецкого языка [Там же].

В ноябре 1962 г. руководство института, «учитывая острую потребность в высококвалифицированных переводчиках», постановило ходатайствовать перед органами КПБ и Министерством высшего образования БССР об открытии в МГПИИЯ переводческого факультета [10, л. 66]. А в декабре 1963 г. отмечалось, что «расширение связей Советского Союза с зарубежными странами потребовали огромного количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, умеющих работать преподавателями... за рубежом, переводчиками. Это привело к невиданному в прошлом увеличению контингентов всех институтов иностранных языков, в т.ч. и нашего, который теперь каждый год увеличивает число студентов, а следовательно и преподавателей, на одну треть» [5, л. 58].

Именно немецкий язык открыл студентам МГПИИЯ дорогу в зарубежные страны: выезды – сперва только на недельные либо 3–6-месячные стажировки – с 1958 г. начались именно с ГДР, и поехали туда первыми студенты соответствующего факультета. И если верить докладу преподавателя Л. Е. Стариковой на партсобрании, показали они себя там не с лучшей стороны: «не было в достаточной степени чувства гордости за свою Родину» [7, л. 84]. По результатам этих поездок в институте озаботились вопросом «партийного подхода» к подбору переводчиков, обслуживающих иностранные делегации в Минске и советские делегации в ГДР: чтобы студенты не стали «источником экономической информации», преподаватели обязаны были тщательно инструктировать их, «что и как говорить о Советском Союзе, о жизни своего города, деревни, колхоза», а также о чем можно переписываться с иностранцами, а о чем – нет [Там же, л. 125].

Начиная с 1960 г. преподаватели и студенты института стали активно выезжать на стажировки в страны изучаемого языка – сначала европейские. И с этого же года – с ноября – практически на каждом заседании партийного бюро МГПИИЯ утверждались характеристики группам студентов и преподавателей, рекомендованных для работы за границей: в качестве переводчиков – или преподавателей русского языка [11, л. 7]. В состав этих групп входили преимущественно женщины – что не удивительно, ведь их было большинство.

Примечательны варианты формулировок, с которыми утверждались характеристики: «для работы за границей (без указания страны)», «для преподавания русского языка в одной из развивающихся стран», «для работы переводчиком». Страны назначения в протоколах начали указывать с начала 1962 года – и первой названной страной, куда была рекомендована группа студентов факультета английского языка, была Индонезия [12, л. 148].

Первая группа, сформированная «для отправки за рубеж» исключительно из студентов-мужчин, зафиксирована в документах МГПИИЯ в сентябре 1962 года: не названы ни страна назначения, ни цель [Там же, л. 101]. Сроки позволяют предположить их участие в операции «Анадырь», однако подтверждений этому пока не обнаружено. Первую характеристику для военкомата – студенту 1 курса ФАЯ – партбюро утвердило в феврале 1963 года [13, л. 22]. Конкретная же формулировка «для работы в качестве военных переводчиков» появилась в характеристиках студентов МГПИИЯ в сентябре 1964 года: именно так утверждались характеристики 6 студентов 5 курса факультета немецкого языка и 3 выпускников 1964 г. факультета английского языка [14, л. 106]. Страна назначения осталась неизвестной.

В последующем протоколы заседаний партийного бюро МГПИИЯ дают нам очевидную дифференциацию студентов, рекомендованных к отправлению за границу: отдельными списками шли студенты и студентки с указанными странами назначения, и отдельными – с неуказанными. Первыми названными странами, куда рекомендовались переводчики, стали Индия (с сентября 1963 г.) [13, л. 53–54], максимальное число в одном протоколе –

10 человек в декабре 1966 г. [15, л. 89]); Бирма (с сентября 1963 г., не более 1–2 человек в каждом протоколе); Мали (с января 1964 г. [Там же, л. 18]); Пакистан (с марта 1964 – г.; примечательно, что в эту страну рекомендовались только мужчины [Там же, л. 45]); Камбоджа (с октября 1964 г. [14, л. 154]); Алжир (с октября 1964 г. [Там же]; в эту страну направлялись самые большие группы, в 1966 г. вплоть до 26 человек одним списком [15, л. 89]); Сирия (с сентября 1965 г. [16, л. 52]); Египет (с ноября 1965 г.) [Там же, л. 70], в документах обозначен по терминологии того времени ОАР (Объединенная Арабская Республика) до 1971 г. и АРЕ (Арабская Республика Египет) позже); Эфиопия (с ноября 1966 г. [15, л. 65]). Позже в протоколах заседаний партбюро МГПИИЯ появились рекомендации студентов для работы переводчиками в Гвинее (с ноября 1966 г. [Там же]); Афганистане (с декабря 1966 г. [Там же, л. 89]); Сомали (с декабря 1966 г. [Там же]). В декабре 1966 г. секретарь партбюро факультета испанского языка заявил обеспокоенность тем, что студенты-испанцы находятся в менее выгодном положении по сравнению с остальными, поскольку им негде применять разговорные навыки [17, л. 75], а спустя 4 месяца в протоколе появилась первая группа студентов (3 человека), рекомендованных для работы на Кубе [18, л. 25]. С 1970 г. к странам назначения добавились Турция [19, л. 17], Чад [Там же], Камерун [Там же, л. 35], Иран [Там же, л. 90]. В эти же страны преподаватели института и чаще студенты направлялись в качестве преподавателей русского языка. В 1960-е гг. «абсолютным чемпионом» среди стран назначения студентов переводчиками был Алжир; и хотя официально боевые действия в этой стране завершились в 1964 году, еще в течение года там продолжались работы по разминированию территории, потому командировки в эту страну нельзя считать особо безопасными [21, с. 28.]. Боевые действия велись в это время в Египте: только в Законе «О ветеранах» обозначено несколько периодов с октября 1962 по март 1974 год. То же самое можно сказать о Сирии – на интересующий нас временной отрезок пришлось 4 арабо-израильские войны; о Камбодже на протяжении 1970 г. Отдельными блоками с 1965 года в протоколах заседаний партбюро института появляются списки студентов, рекомендованных для командирования за границу именно по линии Министерства обороны СССР: первый такой список (причем без указания фамилий) обозначен 23 декабря 1965 г. [16, л. 76]. Как правило, страна назначения не указывается, что не удивительно: ведь она была не известна до последнего, и более того, от утверждения характеристики до самой поездки могло пройти несколько лет. Ниже мы приведем подобные примеры.

С весны 1967 г. в протоколах заседаний партбюро МГПИИЯ появляются длинные пофамильные списки студентов, которым утверждали характеристики с общей формулировкой «для поездки за границу» или «для работы за рубежом». Например, в протоколе № 4 от 27.12.1967 с факультета французского языка утверждали характеристики 52 студентам – одним списком, и 36 – с факультета английского языка [18, л. 59–60]. В 1970 г. появилась и другая формулировка – «студентов 4 курса, рекомендованных для работы

переводчиками в заграничных командировках в 1971 г.; список прилагается»; сам список при этом отсутствует, количество студентов неизвестно [19, л. 195]. В январе 1970 г. с подобной формулировкой утверждали характеристики 85 студентам, из них 71 – с факультета английского языка [Там же, л. 10]. С середины 1970-х гг. страны назначения практически исчезают из документов – остаются только в случае утверждения характеристик студентов, рекомендуемых для прохождения стажировки, либо если это Куба и Афганистан. Зато появляются большие списки выпускников, рекомендуемых «для работы в качестве переводчиков сроком на 1 год (реже – на 2) в одну из развивающихся стран» [21, л. 20]. С такой формулировкой в феврале 1976 г. утверждены характеристики 50 студентов 5 курса факультетов английского и французского языков, среди которых привлекает внимание фамилия «Е. Н. Ревин»: выпускник ФИЯ воин-интернационалист С. П. Баягин в своих воспоминаниях о службе в Анголе в 1980–1982 гг. упоминал о гибели в транспортном самолете своего сокурсника Евгения Ревина [4, с. 136]. К сожалению, других сведений об этом пока не найдено.

Встречаются и конкретно «военные» формулировки: «в одну из развивающихся стран по линии Министерства обороны СССР в качестве переводчика» или «для службы в ВС СССР и по выезду за границу». С этими формулировками в январе 1976 г. утверждены характеристики 3 преподавателями французского языка [22, л. 2]. В апреле 1977 г. 18 преподавателям и студентам, из них 8 – испанисты [Там же, л. 65]. В июне того же года – 3 преподавателям французского и испанского языков [Там же, л. 91]. В сентябре – 2 преподавателям военной кафедры [Там же, л. 117]. В декабре – 42 студента с конкретной специализацией «для службы в СА в качестве борт-переводчиков» (все языки) [Там же, л. 186]; уточним, что борт-перевод в МГПИИЯ не преподавался. И этим же протоколом – 61 студент, рекомендуемый «к командированию в заграничную командировку» [Там же, л. 187]. Среди последних отмечена фамилия А. С. Шлыка, направленного спустя 2 года в Анголу: его воспоминания о службе в этой стране в качестве переводчика (в том числе борт-переводчика) в 1979–1982 гг. опубликованы (см. [4, с. 137–155]). Еще раз его фамилия упомянута в протоколе от 21 декабря 1978 г. [24, л. 123, 134]. С 1979 г. в документах появляются списки выпускников всех факультетов, рекомендованных конкретно для призыва в Советскую армию на 2 года (первый такой список из 30 имен утвержден протоколом заседания партбюро от 19 декабря 1979 г.) [25, л. 93]; с уточнением – с перспективой выезда за рубеж либо без перспективы. С этого же года выросло количество преподавателей МГПИИЯ, рекомендованных для выезда за границу, в том числе преподавателей военной кафедры. В конце 1980 г. в списке рекомендованных (26 студентов и 2 преподавателей) значится имя преподавателя Виктора Белюкина [26, л. 46] (1942–2009): в 1980–1983 гг. он служил военным переводчиком в Мозамбике, в 1986–1989 гг. – в Анголе. Позже под его началом в Анголе служили его студенты: Сергей Демидчик, Олег Грицук, Александр Штукин и другие. Сергей Демидчик вспоминал

о его отеческом отношении к подчиненным: помощи во время нахождения в боевых округах, в предоставлении отпуска, в бытовом обустройстве [4, с. 182]. Теплые воспоминания сохранили о нем и другие переводчики [27].

Исследование участия выпускников языковых учреждений высшего образования – и конкретно Минского государственного педагогического института иностранных языков – в военных конфликтах второй половины XX века, их работы в зонах боевых действий, только начинается. Многие документы вводятся в научный оборот впервые. Эта тема является очень важной составляющей военной истории Беларуси XX века, его новаторским направлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1154. Оп. 2, Д. 1.
2. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 45.
3. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 51.
4. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе: 1975–1992 / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 352 с.
5. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 35.
6. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 27.
7. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 25.
8. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 3.
9. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 12.
10. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 33.
11. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 30.
12. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 34.
13. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 36.
14. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 38.
15. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 42.
16. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 40.
17. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 41.
18. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 44.
19. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 50.
20. *Окорочков, А. В.* Секретные войны СССР : Самая полная энциклопедия / А. Окорочков. – М. : Яуза, Эксмо, 2014. – 736 с.
21. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 61.
22. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 63.
23. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 65.
24. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 67.
25. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 70.
26. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 72.
27. Союз ветеранов Анголы: официальный сайт // Архив гостевой книги: октябрь 2009. – Режим доступа : <https://www.veteranangola.ru/main/arhivgostevoy/god2009/october>. – Дата доступа : 16.04.2021.